

Василий Макарович

ШУКШИН

1929 – 1974

Василий
ШУКШИН

Ваш сын и брат

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ш 95

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-20062-3

© В. М. Шукшин (наследники), 2021
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Ваш сын и брат

Киноповесть

...И вот пришла весна. Обычная — добрая и бестолковая, как недозрелая девка.

В переулках на селе — грязь в колено. Люди ходят вдоль плетней, держась руками за колья. И если ухватится за кол какой-нибудь дядя из «Заготскота», то и останется он у него в руках, ибо дяди из «Заготскота» все почему-то как налитые, с лицами красного шершавого сукна. Хозяева огородов матерятся на чем свет стоит.

— Тебе, паразит, жалко сапоги измарать, а я должен каждую весну плетень починять?!

— Взял бы да накидал камней, если плетень жалко.

— А у тебя что, руки отсохли? Возьми да накидай...

— А тогда не лайся, если такой умный.

А ночами в полях с тоскливым вздохом оседают подпревшие серые снега.

А в тополях, у речки, что-то звонко лопается с тихим ликующим звуком: «Пи-у».

Лед прошел по реке. Но еще отдельные льдины, блестя на солнце, скребут скользкими животами каменистую дресву, а на изгибах речных льдины вылезают ноздреватыми синими мордами на берег, разгребают гальку, разворачиваются и плывут дальше — умирать.

Малый сырой ветерок кружится и кружит голову... Остро пахнет навозом, гнилым мокрым деревом и талой землей.

Вечерами, перед сном грядущим, люди добреют.

Во дворах на таганках потеют семейные чугуны с варевом. Пляшут веселые огоньки, потрескивает волглый хворост. Задумчиво в теплом воздухе... Прожит еще один день. Вполсилы ведутся неторопливые необязательные разговоры — завтра будет еще день, и опять будут разные дела. А пока можно отдохнуть, покурить всласть, поворчать на судьбу, задуматься бог знает о чем — что, может, жизнь — судьба эта самая — могла бы быть какой-нибудь иной — малость лучше?.. А в общем-то, и так ничего — хорошо. Особенно весной.

СТЕПАН

В такой-то задумчивый хороший вечер, минуя большак, пришел к родному селу Воеводин Степан.

Пришел он с той стороны, где меньше дворов, сел на косогор, нагретый за день солнышком, и вздохнул. И стал смотреть на деревню. Он, видно, много отшагал за день и крепко устал.

Он долго сидел так и смотрел.

Потом встал и пошел в деревню.

Ермолай Воеводин копался еще в своей завозне — тесал дышло для брички. В завозне пахло сосновой стружкой, махрой и остывшими тесовыми стенами. Свету в завозне было уже мало. Ермолай щурился и, попадая рубанком на сучки, по привычке ласково матерился.

...И тут на пороге, в дверях, вырос сын его — Степан.

— Здорово, тять.

Ермолай поднял голову, долго смотрел на сына... Потом высморкался из одной ноздри, вытер нос подолом сатиновой рубахи, как делают бабы, и опять внимательно посмотрел на сына.

— Степка, что ли?

— Но... Не узнал?

- Хот!.. Язви тя... Я уж думал — почудилось.
- Степан опустил худой вещмешок на порожек, подошел к отцу... Обнялись, чмокнулись пару раз.
- Пришел?
- Ага.
- Что-то раньше? Мы осенью ждали.
- Отработал... отпустили.
- Хот... язви тя! — отец был рад сыну, рад был видеть его. Только не знал, что делать.
- А Борзя-то живой ишо, — сказал он.
- Но? — удивился Степан. Он тоже не знал, что делать. Он тоже рад был видеть отца. — А где он?
- А шалается где-нибудь. Этта, в субботу вывесили бабы бельишко сушить — все изодрал. Разыгрался, сукин сын, и давай трепать...
- Шалавый дурак.
- Хотел уж пристрелить его, да подумал: придешь — обидишься...
- Присели на верстак, закурили.
- Наши здоровы? — спросил Степан. — Пишут ребята?
- Ничё, здоровы. Как сиделось-то?
- А ничё, хорошо. Работали. Ребята-то как?..
- Да редко пишут. Ничё вроде... Игнат хвалится. А Максим — на стройке. Ты-то в шахтах, наверно, робил?
- Нет, зачем: лес валили.
- Ну да, — Ермолай понимающе кивнул головой. — Дурь-то вся вышла?
- Та-а... — Степан поморщился. — Не в этом дело.
- Ты вот, Степка... — Ермолай погрозил согнутым прокуренным пальцем. — Ты теперь понял: не лезь с кулаками куда не надо. Нашли, черти полосатые, время драться.
- Не в этом дело, — опять сказал Степан.
- В завозне быстро темнело. И все так же волнующе пахло стружкой и махрой...

Степан встал с верстака, затоптал окурок... Поднял свой хилый вещмешок.

— Пошли в дом, покажемся.

— Немая-то наша, — заговорил отец, поднимаясь, — чуть замуж не вышла, — ему все хотелось сказать какую-нибудь важную новость, и ничего как-то не пришло в голову.

— Но! — удивился Степан.

— Смех и грех...

Пока шли от завозни, отец рассказывал:

— Приходит один раз из клуба и мычит мне: мол, жениха приведу. Я, говорю, те счас такого жениха приведу, что ты неделю сидеть не сможешь.

— Может, зря?

— Что «зря»? «Зря»... Обмануть надумал какой-то — полегче выбрал. Кому она, к черту, нужна такая. Я, говорю, такого те жениха приведу...

— Посмотреть надо было жениха-то. Может, правда...

А в это время на крыльцо вышла и сама «невеста» — крупная девка лет двадцати трех. Увидела брата, всплеснула руками, замычала радостно. Глаза у нее синие, как цветочки, и смотрит она до слез доверчиво.

— Ма-ам, мм, — мычала она и ждала, когда брат подойдет к ней, и смотрела на него сверху, с крыльца... И до того она в эту минуту была счастлива, что у мужиков навернулись слезы.

— А от те «ме», — сердито сказал отец и шаркнул ладонью по глазам. — Ждала все, крестики на стене ставила — сколько дней осталось, — пояснил он Степану. — Любит всех, как дура.

Степан нахмурился, чтоб скрыть волнение, поднялся по ступенькам, неловко приобнял сестру, похлопал ее по спине... А она вцепилась в него, мычала и целовала в щеки, в лоб, в губы.

— Ладно тебе, — сопротивлялся Степан и хотел освободиться от крепких объятий. И неловко было ему,

что его так нацеловывают, и рад был тоже, и не мог оттолкнуть счастливую сестру.

— Ты гляди, — смущенно бормотал он. — Ну, хватит, хватит... Ну все...

— Да пусть уж, — сказал отец и опять вытер глаза. — Вишь, соскучилась.

Степан высвободился наконец из объятий сестры, весело оглядел ее.

— Ну, как живешь-то? — спросил.

Сестра показала руками — «хорошо».

— У ей всегда хорошо, — сказал отец, поднимаясь на крыльцо. — Пошли, мать обрадуем.

Мать заплакала, запричитала:

— Господи-батюшки, отец небесный, услышал ты мои молитвы, долетели они до тебя...

Всем стало как-то не по себе и от ее причета.

— Ты, мать, и радуисся, и горюешь — все одинаково, — строго заметил Ермолай. — Чо захлюпала-то? Ну, пришел, теперь радоваться надо.

— Дак я и радуюсь, не радуюсь, что ли...

— Ну и не реви.

— Было бы у меня их двадцать, я бы не ревела. А то их всего-то трое и те разлетелись по белу свету... Каменная я, что ли?

— Дак и мне жалко! Ну и давай будем реветь по целым дням. Только и делов...

— Здоровый ли, сынок? — спросила мать. — Может, по хвори по какой раньше-то отпустили?

— Нет, все нормально. Отработал свое — отпустили.

Стали приходиться соседи, родные.

Первой прибежала Нюра Агапова, соседка, молодая, гладкая баба с круглым добрым лицом. Еще в сенях заговорила излишне радостно и заполошно:

— А я гляну из окошка-то: осподи-батюшка, да ить эт Степан пришел?! И правда — Степан...

Степан заулыбался.

— Здорово, Нюра.

Нюра обвила горячими руками соседа, трижды прильнула наголодавшимися вдовьими губами к его потрескавшимся, пропахшим табаком и степным ветром губам...

— От тебя как от печи пышет, — сказал Степан. — Замуж-то не вышла?

— Я, может, тебя ждала. — Нюра засмеялась.

— Пошла к дьяволу, Нюрка! — возревновала мать. — Не крутись тут — дай другим поговорить. Шибко тяжело было, сынок?

— Да нет, — с удовольствием стал рассказывать Степан. — Там хорошо. Я, например, здесь раз в месяц кино смотрю, так? А там — в неделю два раза. А хошь, иди в красный уголок — там тебе лекцию прочитают: «О чести и совести советского человека» или «О положении рабочего класса в странах капитала»...

— Что же, вас туда собрали кино смотреть? — спросила Нюра весело.

— Почему?.. Не только, конечно, кино...

— Воспитывают, — встрял в разговор отец. — Дуракам вправляют.

— Людей интересных много, — продолжал Степан. — Есть такие орлы!.. А есть образованные. У нас в бригаде два инженера было...

— А эти за что?

— Один — за какую-то аварию на фабрике, другой — за драку. Дал тоже кому-то бутылкой по голове...

— Может, врет, что инженер? — усомнился отец.

— Там не соврешь. Там все про всех знают.

— А кормили-то ничего? — спросила мать.

— Хорошо, всегда почти хватало.

Еще подошли люди. Пришли товарищи Степана. Стало колготно в небольшой избенке Воеводининых. Степан снова и снова принимался рассказывать:

— Да нет, в общем-то, хорошо! Вы здесь кино часто смотрите? А мы — в неделю два раза. К вам артисты приезжают? А к нам туда без конца ездили. Жрать тоже хватало... А один раз фокусник приезжал. Вот так берет стакан с водой...

Степана слушали с интересом, немножко удивлялись, говорили «хм», «ты гляди!», пытались сами тоже что-то рассказать, но другие задавали новые вопросы, и Степан снова рассказывал. Он слегка охмелел от долгожданной этой встречи, от расспросов, от собственных рассказов. Он незаметно стал даже кое-что прибавлять к ним.

— А насчет охраны — строго?

— Ерунда! Нас последнее время в совхоз возили работать, так мы там совсем почти одни оставались.

— А бегут?

— Мало. Смысла нет.

— А вот говорят, если провинился человек, то его сажают в каменный мешок...

— В карцер. Это редко, это если сильно проштрафился... И то уркаганов, а нас редко.

— Вот жуликов-то, наверно, где! — воскликнул один простодушный парень. — Друг у друга воруют, наверно?..

Степан засмеялся. И все посмеялись, но с любопытством посмотрели на Степана.

— Там у нас строго за это, — пояснил Степан. — Там, если кого заметят, враз решку наведут...

Мать и немая тем временем протопили баню на скорую руку, отец сбегал в лавочку... Кто принес сальца в тряпочке, кто пирожков, оставшихся со дня, кто пивца-медовухи в тuesке — праздник случился нечаянно, хозяева не успели подготовиться. Сели к столу затемно. И потихоньку стало разгораться неяркое веселье. Говорили все сразу, перебивали друг друга, смеялись... Степан сидел во главе стола, поворачивался направо и налево, хотел еще рассказывать, но его уже плохо слу-

шали. Он, впрочем, и не шибко старался. Он рад был, что людям сейчас хорошо, что он им удовольствие доставил, позволил им собраться вместе, поговорить, посмеяться. И чтобы им было совсем хорошо, он запел трогательную песню тех мест, откуда прибыл.

Прости мне, ма-ать,
За все мои поступки —
Что я порой не слушалась тебя-я!..

На минуту притихли было: Степана целиком захватило сильное чувство содеянного добра и любви к людям. Он заметно хмелел.

А я думала-а, что тюрьма д это шутка.
И этой шуткой сгубила д я себя-я! —

пел Степан.

Песня не понравилась — не оценили полноты чувства раскаявшейся грешницы, не тронуло оно их... И саму грешницу как-то трудно было представлять.

— Блатная! — с восторгом пояснил тот самый простодушный парень, который считал, что в лагерях — сплошное жулье. — Тихо, вы!

— Чё же сынок, баб-то много сидят? — спросила мать с другого конца стола.

— Хватает. Целые лагеря есть.

И возник оживленный разговор о том, что, наверно, бабам-то там не сладко.

— И вить, дети небось пооставались!

— Детей — в приюты...

— А я бы баб не сажал! — сурово сказал один, изрядно подвыпивший мужичок. — Я бы им подолы на голову — и ремнем!..

— Не поможет, — заспорил с ним Ермолай. — Если ты ее выпорол — так? — она только злей станет. Я свою смолоду поучил раза два вожжами — она мне со зла немую девку принесла.

Кто-то поднял песню. Свою. Родную.

Оте-ец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с им...

Песню подхватили. Заголосили вразнобой, а потом стали помаленьку выравниваться.

Три дня, три ноченьки старался —
Сестру из плена выруча-ал...

Увлеклись песней — пели с чувством, нахмури-вшись, глядя в стол перед собой.

Злодей пустил злодейку пулю
Уби-ил красавицу сестру-у.
Взошел я на гору крутую,
Село-о родное посмотреть:
Гори-ит, горит село родное,
Гори-ит вся родина-а моя-я!..

Степан крепко припечатал кулак в столешницу, заматерился с удовольствием.

— Ты меня не любишь, не жалеешь! — сказал он громко. — Я вас всех уважаю, черти драные! Я сильно без вас соскучился.

У порога, в табачном дыму, всхлипнула гармонь — кто-то предусмотрительный смотал за гармонистом. Взревели... Песня погибла. Вылезли из-за стола и норовили сразу попасть в ритм «подгорной». Старались покрепче дать ногой в половицу.

Бабы образовали круг и пошли, и пошли с припевом. И немая пошла и помахивала над головой платочком. На нее показывали пальцем, смеялись... И она тоже смеялась — она было счастлива.

— Верка! Ве-ерк! — кричал изрядно подпивший мужичок. — Ты уж тогда спой, ты спой, что же так-то ходить! — Никто его не слышал, и он сам смеялся своей шутке — просто закатывался.

Мать Степана рассказывала какой-то пожилой бабе:

— Ка-ак она на меня навалится, матушка, у меня аж в грудях сперло. Я насилу вот так голову-то приподняла да спрашиваю: «К худу или к добру?» А она мне в самое ухо дунула: «К добру!»

Пожилая баба покачала головой:

— К добру?

— К добру, к добру. Ясно так сказала: к добру, говорит.

— Упредила.

— Упредила, упредила. А я ишо подумай вечером-то: «К какому же добру, думаю, мне суседка-то предсказала?» Только так подумала, а дверь-то открывается — он вот он, на пороге.

— Господи, господи, — прошептала пожилая баба и вытерла концом платка повлажневшие глаза. — Надо же!

Бабы, плясавшие кругом, вытащили на круг Ермолая. Ермолай недолго думал, пошел выколачивать одной ногой, а второй только каблуком пристукивал... И приговаривал: «Оп-па, ат-та, оп-па, ат-та...» И вколачивал, и вколачивал ногой так, что посуда в шкафу вздрагивала.

— Давай, Ермил! — кричали Ермолаю. — У тя седня радость большая — шевелись!

— Ат-та, оп-па, — приговаривал Ермолай, а рабочая спина его, ссутулившаяся за сорок лет работы у верстака, так и не распрямилась, и так он плясал — слегка сгорбатившись, и большие узловатые руки его тяжело висели вдоль тела. Но рад был Ермолай и забыл все свои горести — долго ждал этого дня, без малого три года.

В круг к нему протиснулся Степан, сыпанул тяжкую, нечеткую дробь...

— Давай, тять...

— Давай — батька с сыном! Шевелитесь!

- А Степка-то не изработался — взбрыкивает!
- Он же говорит — им там хорошо было. Жрать давали...
- Там дадут — догонют да еще дадут.
- Ат-та, оп-па!.. — приговаривал Ермолай, приноравливаясь к сыну...

Люблю сани с подрезами,
Воронка — за высоту,
Люблю милку за походку,
А еще — за красоту! —

вспоминал Ермолай из далекой молодости.

И Степан тоже спел:

Это чей же паренек
Выделявает колена;
Ох, не попало бы ему
Березовым поленом.

Плясать оба не умели, но работали ладно — старались. Людям это нравится; смотрели на них с удовольствием.

Так гуляли.

Никто потом не помнил, как появился в избе участковый милиционер. Видели только, что он подошел к Степану и что-то сказал ему. Степан вышел с ним на улицу. А в избе продолжали гулять: решили, что так надо, надо, наверное, явиться Степану в сельсовет — оформлять всякие бумаги. Только немая что-то забеспокоилась, замычала тревожно, начала тормозить отца. Тот спьяну отмахнулся:

— Отстань, ну тя! Пляши вон.

Участковый вышел со Степаном за ворота, остановился.

— Ты что, одурел, парень? — спросил он, взглядываясь в лицо Степана.

Степан прислонился спиной к воротному столбу, усмехнулся:

— Чудно?.. Ничего...

— Тебе же три месяца сидеть осталось!

— Знаю не хуже тебя... Дай закурить.

Участковый дал ему папироску, закурил сам.

— Пошли.

— Пошли.

— Может, скажешь дома-то? А то хватятся...

— Сегодня не надо — пусть погуляют. Завтра скажешь.

— Три месяца не досидеть и сбежать!.. — опять изумился милиционер. — Прости меня, но я таких дураков еще не встречал, хотя много повидал всяких. Зачем ты это сделал?

Степан шагал, засунув руки в карманы брюк, узнавал в сумраке знакомые избы, ворота, прясла... Вдыхал знакомый с детства терпкий весенний холодок, задумчиво улыбался.

— А?

— Чего?

— Зачем ты это сделал-то?

— Сбежал-то? А вот — пройтись разок... Соскучился.

— Так ведь три месяца осталось! — почти закричал участковый. — А теперь еще пару лет накинута.

— Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили — каждую ночь деревня снится... Хорошо у нас весной, верно?

— Нда... — раздумчиво сказал участковый.

Долго они шли молча, почти до самого сельсовета.

— И ведь удалось сбежать!.. Один бежал?

— Трое.

— А те где?

— Не знаю. Мы сразу по одному разошлись.

— И сколько же ты добирался?

— Неделю.

— Тьфу... Ну, черт с тобой — сиди.

В сельсовете участковый сел писать протокол. Степан сидел у стола, напротив, задумчиво смотрел в темное окно. Хмель покинул его голову.

— Оружия никакого нет? — спросил участковый, отвлекаясь от протокола.

— Сроду никакой гадости не таскал с собой.

— Чем же ты питался в дороге?

— Они запаслись... те двое-то...

— А им по сколько оставалось?

— По много...

— Но им хоть был смысл бежать, а тебя-то куда черт дернул? — в последний раз поинтересовался милиционер.

— Ладно, надоело! — обозлился Степан. — Делай свое дело, я тебе не мешаю.

Участковый качнул головой, склонился опять к бумаге. Еще сказал:

— Я думал, ошибка какая-нибудь — не может быть, чтоб на свете были такие придурки. Оказывается, правда.

Степан смотрел в окно, спокойно о чем-то думал.

— Небось смеялись над тобой те двое-то? — не вытерпел и еще спросил словоохотливый милиционер.

Степан не слышал его.

Милиционер долго с любопытством смотрел на него. Сказал:

— А по лицу не скажешь, что — дурак, — и ушел окончательно в протокол.

В это время в сельсовет вошла немая. Остановилась на пороге, посмотрела испуганными глазами на милиционера, на брата...

— Мэ-мм? — спросила она брата.

Степан растерялся.

— Ты зачем сюда?

— Мэ-мм? — замычала сестра, показывая на милиционера.

— Это сестра, что ли? — спросил тот.

— Но...

Немая подошла к столу, тронула участкового за плечо и, показывая на брата, руками стала пояснять свой вопрос: «Ты зачем увел его?»

Участковый понял.

— Он... Он! — показал на Степана. — Сбежал из тюрьмы! Сбежал! Вот так!.. — Участковый показал на окно и «показал», как сбегают. — Нормальные люди в дверь выходят, в дверь! А он в окно — раз и ушел. И теперь ему будет... — Милиционер сложил пальцы в решетку и показал немой на Степана. — Теперь ему опять вот эта штука будет! Два, — растопырил два пальца и торжествуя потряс ими. — Два года еще!

Немая стала понимать. И когда она совсем все поняла, глаза ее, синие, испуганные, загорелись таким нечеловеческим страданием, такая в них отразилась боль, что милиционер осекся. Немая смотрела на брата. Тот побледнел и замер — тоже смотрел на сестру.

— Вот теперь скажи ему, что он дурак, что так не делают нормальные люди... Братья ваши небось не сделали бы так.

Немая вскрикнула гортанно, бросилась к Степану, повисла у него на шее.

— Убери ее, — хрипло попросил Степан. — Убери!

— Как я ее уберу?..

— Убери, гад! — заорал Степан не своим голосом. — Уведи ее, а то я тебе расколю голову табуреткой!

Милиционер вскочил, оттащил немую от брата... А она рвалась к нему и мычала. И трясла головой.

— Скажи, что ты обманул ее, пошутил... Убери ее!

— Черт вас!.. Возись тут с вами... — ругался милиционер, отгаскивая немую к двери. — Он придет сейчас, я ему дам проститься с вами! — пытался он втолковать ей. — Счас он придет! — Ему удалось наконец подтащить ее к двери и вытолкнуть. — Ну, здорова! — Он

закрыл дверь на крючок. — Фу-у... Вот каких делов ты натворил — любуйся теперь.

Степан сидел, стиснув руками голову, смотрел в одну точку — в пол.

Участковый спрятал недописанный протокол в полевую сумку, подошел к телефону.

— Вызываю машину — поедем в район, ну вас к черту... Ненормальные какие-то.

А по деревне, серединой улицы, шла, спотыкаясь, немая и горько мычала — плакала.

Летит степью паровоз. Ревет.

Деревеньки мелькают, озера, перелески... Велика Русь.

МАКСИМ

Максиму Воеводину пришло в общежитие письмо. От матери.

Через поля, через леса, через реки широкие долетел родной голос, нашел в громадном городе.

— Максим! Письмо...

Максим присел на кровати, разорвал конверт и стал читать.

В шуме и гаме большой людной комнаты рабочего общежития зазвучал голос матери:

— Здорово, сынок Максим!

Во первых строках нашего письма сообщаем, что мы живы-здоровы, чего и тебе желаем. Стрелили на днях Степана. Ничё пришел, справный. Ну, выпили маленько. Верка тоже ничё — здоровая. А отец прихварывает, перемогается. А я, сынок, шибко хвораю. Разломило всю спинушку, и ногу к затылку подводит — радикулит, гад такой. Посоветовали мне тут змеиным ядом, а у нас его нету. Походи, сынок, по аптекам, поспрашивай, можжа, у вас есть там. Криком кричу — больно. Походи, сынок, не поленись... Игнату тоже написать хотела, а он

прислал письмо, что уедет куда-то. А жене его не хочу писать — скажет: пристают. Он чё-то обижается на тебя, сынок. Не слушается, говорит. Вы уж там поспокойней живите-то, не смешите людей — не чужие небось... Походи, сынок, милый, поспрашивай яду-то. Может, поправилась бы я...

Максим склонился головой на руки, задумался. Заболело сердце — жалко стало мать. Он подумал, что зря он так редко писал матери, вообще почувствовал гнетущую свою вину перед ней. Все реже и реже думалось о матери последнее время, она перестала сниться ночами... И вот оттуда, где была мать, замаячила черная беда.

Было воскресенье. Максим надел выходной костюм и пошел в ближайшую аптеку.

В аптеке было мало народа. Максим выбрал за прилавком молодую хорошенькую девушку, подошел к ней.

— У вас змеиный яд есть?

Девушка считала какие-то порошки. Приостановилась на секунду, еще раз шепотом повторила последнее число, чтобы не сбиться, мельком глянула на Максима, сказала «нет» и снова принялась считать. Максим постоял немного, хотел спросить, как называется змеиный ад по-научному, но не спросил — девушка была очень занята.

В следующей аптеке произошел такой разговор:

— У вас есть змеиный яд?

— Нет.

— А бывает?

— Бывает, но редко.

— А может, вы знаете, где его можно достать?

— Нет, я не знаю, где его можно достать.

Отвечала сухопарая женщина лет сорока, с острым носом, с низеньким лбом. Кожа на лбу была до того тонкая и белая, что, кажется, сквозь нее просвечивала кость. Максиму показалось, что женщине доставляет

удовольствие отвечать «нет» и «не знаю». Он уставился на нее.

— Что? — спросила она.

— А где же он бывает-то? Неужели в целом городе нет?!

— Не знаю, — опять с каким-то странным удовольствием сказала женщина.

Максимом стала овладевать злость. Он не двинулся с места.

— Еще что? — спросила женщина. Они были в стороне от других, разговор их никто не слышал.

— А отчего вы такая худая? — спросил Максим. Он сам не знал, что так спросит, и не знал, зачем спросил: вылетело. Очень уж недобрая была женщина.

Женщина от неожиданности заморгала глазами.

Максим повернулся и пошел из аптеки.

«Что же делать?» — думал он.

Аптека следовала за аптекой, разные люди отвечали одинаково: «Нет», «Нету».

В одной аптеке Максим увидел за стеклянным прилавком парня.

— Нет, — сказал парень.

— Слушай, а как он называется по-научному? — спросил Максим.

Парень решил почему-то, что и ему пришла пора показать себя «шибко умным», — застоялся, наверное, на одном месте.

— По-научному-то? — переспросил он, улыбаясь. — А как в рецепте написано? Как написано, так и называется.

— У меня нет рецепта.

— А что же вы тогда спрашиваете? Так ведь и живую воду можно спрашивать.

— А что, не дадут без рецепта? — негромко спросил Максим, чувствуя, что его начинает слегка трясти.

— Нет, молодой человек, не дадут.

Это снисходительное «молодой человек» доконало Максима.

— До чего же ты умница! — тихо воскликнул он. — Это же надо такому уродиться!.. — Максим, должно быть, изменился в лице, ибо парень перестал улыбаться.

— Что вы хотите? — серьезно спросил он.

— Хочу тебе клизму поставить, молодой человек.

— Что вам надо?! — опять очень громко спросил парень, явно желая привлечь внимание других людей в аптеке.

Максим вышел на улицу, закурил. В душу вкралось отчаяние.

В одной очень большой аптеке Максим решительно направился к пышной, красивой женщине. Она выглядела приветливее других.

— Мне нужен змеиный яд, — сказал он.

— Нету, — ответствовала женщина.

— Тогда позовите вашего начальника.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Зачем?

— Я с ним потолкую.

— Не буду я его звать — незачем. Он вам не сможет помочь. Нет у нас такого лекарства.

Максим засмотрелся в ее ясные глаза. Ему захотелось вдруг обидеть женщину, сказать в ее лицо какую-нибудь тяжкую грубость, чтобы ясные глаза ее помутнились от ужаса. И не то вконец обозлило Максима, что яда опять нет, а то, с какой легкостью, отвратительно просто все они отвечают это свое «нет».

— Позовите начальника! — потребовал Максим.

И тут, вместо того, чтобы грубо оскорбить женщину, Максим жалобным голосом вдруг сказал:

— У меня мать болеет.

Женщина оставила официальный тон.

— Ну нет у нас сейчас змеиного яда, я серьезно говорю. Я могу дать вам пчелиный. У нее что, радикулит?

СОДЕРЖАНИЕ

ВАШ СЫН И БРАТ. <i>Киноповесть</i>	5
--	---

РАССКАЗЫ

Далекие зимние вечера	57
Племянник главбуха	69
Двое на телеге	77
Лида приехала	83
Светлые души	89
Правда	96
Стенька Разин	104
Солнце, старик и девушка	113
Степкина любовь	119
Демагоги	127
Лёнька	136
Артист Федор Грай	145
Воскресная тоска	152
Коленчатые валы	160
Сельские жители	174
Лёля Селезнева с факультета журналистики	183
Гринька Малюгин	196
Классный водитель	211
Одни	231
И разыгрались же кони в поле	240
Капроновая елочка	250
Ваня, ты как здесь?!	265

Заревой дождь	273
Операция Ефима Пьяных	281
Кукушкины слезки	287
Начальник	295
Случай в ресторане	302
Внутреннее содержание	312
Думы	322
В профиль и анфас	329
Земляки	340
Даешь сердце!	351
Непротивленец Макар Жеребцов	356
Письмо любимой	364
Крыша над головой	367
Свояк Сергей Сергеевич	376
Сураз	385
Приезжий	409
Чередниченко и цирк	424
Лёся	435
Петя	439
Хмырь	445
Хозяин бани и огорода	451
Генерал Малафейкин	458
Ноль-ноль целых	467
Постскриптум	472

Шукшин В.

Ш 95 Ваш сын и брат : киноповесть, рассказы / Василий Шукшин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-20062-3

Творчество Василия Шукшина — выдающееся явление 1960–1970-х годов. Талант этой личности проявился в актерском, режиссерском, сценарном мастерстве, однако именно литературные произведения принесли Шукшину всенародную славу.

В настоящее издание вошла киноповесть «Ваш сын и брат», по которой Шукшин снял фильм в 1966 году, а также ранние рассказы писателя. В киноповести рассказана история семьи Воеводиных, проживающих в алтайском селе на берегах реки Катунь. В этом небольшом произведении ярко проявились самые важные темы, характерные для всего творчества Шукшина: любовь к родному краю, противостояние поколений, отчужденность человека в большом городе...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ ШУКШИН

ВАШ СЫН И БРАТ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Лариса Дорохина, Ольга Золотова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.09.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-28846-01-R